

RU

Общие закономерности лингвокогнитивной репрезентации концептуальной оппозитивности концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD (на примере дихотомии СВОИ / US - ЧУЖИЕ / THEM)

Здановская Л. Б.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть особенности концептуальной оппозитивности концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD, реализованной на основе базовой дихотомии СВОИ / US - ЧУЖИЕ / THEM. Автором анализируется лингвокогнитивная репрезентация концепта в русской и английской лингвокультурах. Научная новизна исследования заключается в определении концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD как оппозитивного компонент-концепта, демонстрирующего структурированный характер оппозитивности. В результате исследования установлена уровневая (эксплицитно-имплицитная) репрезентация оппозитивности, выявлены признаки субъектов оппозиции СВОИ / US - ЧУЖИЕ / THEM, регламентирующие их категориальную закрепленность, указана оценочная модель субъектов оппозиции.

EN

General Patterns of Linguocognitive Representation of the Conceptual Opposition of the HUMAN SHIELD Concept (by the Example of the US - THEM Dichotomy)

Zdanovskaya L. B.

Abstract. The study aims to shed light on the specifics of the conceptual opposition of the HUMAN SHIELD concept realised on the basis of the US - THEM dichotomy. The author analyses linguocognitive representation of the concept in Russian and English linguocultures. Scientific novelty of the study lies in defining the HUMAN SHIELD concept as an oppositive components-concept demonstrating the structured specificity of opposition. As a result of the study, a level (explicit-implicit) representation of opposition has been determined; the distinctive features of subjects in the US - THEM opposition regulating their categorical fixing have been identified; an evaluation model of opposition subjects has been given.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена активизацией и закреплением в языке понятий, демонстрирующих полярность ценностных ориентиров мирового сообщества, реализованную на современном этапе цивилизационного развития в базовой оппозиции «СВОИ – ЧУЖИЕ».

Цель исследования обусловила постановку следующих задач: обосновать специфику языковой объективации оппозитивного концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD в русской и английской языковых картинах мира; выявить уровни реализации оппозитивности исследуемого концепта в русском и английском языковых пространствах; указать критерии классификации признаковых характеристик эксплицитно-имплицитной оппозитивности на основе дихотомии «СВОИ» / «US» – «ЧУЖИЕ» / «THEM»; проанализировать специфику проявления оценочности субъектами базовой оппозиции.

При написании статьи применялись следующие методы: концептуальный анализ, включающий сопоставление, обобщение, интерпретацию репрезентантов исследуемого концепта в русском и английском языках, сравнительно-сопоставительный, лексико-семантический анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ.

Материалами исследования послужили публикации в интернет-изданиях государственных деятелей РФ, политиков, российских и иностранных журналистов, словарные дефиниции в академических толковых

словарях А. К. Бириха, В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой (Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. Изд-е 3-е, испр. и доп. М., 2007); В. И. Даля (Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2007); С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (Толковый словарь русского языка. М., 2007); Ю. Степанова (Константы: словарь русской культуры: Изд-е 3-е, испр. и доп. М., 2004); Д. Н. Ушакова (Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М., 2008); A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield (The Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2005); Oxford Learner's Dictionary (URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>).

Теоретической базой исследования послужил труд З. Д. Поповой, И. А. Стернина (2007), посвященный важному для данной работы лингвокогнитивному подходу к описанию концепта. Значимым аспектом исследования явилось определение критериев оппозитивности концепта на основе языковой реализации, что стало возможным благодаря трудам Д. С. Лихачева (1997), В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина (2001; Карасик, 2004; 2019; 2021). Особый научный интерес для анализа эксплицитно-имплицитной оппозитивности концепта представляют теоретические положения В. В. Деметьева (2006), посвященные проблемам изучения непрямой коммуникации. Кроме того, учитывалась работа В. А. Масловой (2008), раскрывающая общие закономерности возникновения концептуальной оппозитивности. Принципиальную значимость для данного исследования имеет теоретико-практическое обоснование лингвокультурной специфики базовой оппозиции «свой – чужой», представленное в трудах О. В. Баясниковой (2003), М. Л. Лаптевой (2013), Т. В. Алиевой (2022), а также системная характеристика политического дискурса, его основной функции («борьба за власть»), роль экстралингвистических факторов в процессе коммуникации, изложенная Е. И. Шейгал (2004), Р. Фаулером (Fowler, 1991), Т. А. ван Дейком (Dijk, 1993; 2006).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при анализе явления дихотомии концептов в русском и английском языках. Материалы исследования могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по лингвистическому анализу публицистических текстов в курсе лингвоконцептологии, уровень высшего образования магистратура, на филологическом факультете, факультете журналистики Кубанского государственного университета.

Основная часть

Специфика реализации концептуальной оппозитивности ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD соотносится с уровневой структурой концепта, в которой мы, основываясь на лингвокультурологическом и лингвокогнитивном подходах к его описанию, выделяем образный, понятийный и ценностный компоненты (Карасик, 2019, с. 129). Образная составляющая представлена перцептивной и когнитивной сторонами концепта, формирующими в целом «релевантные признаки практического знания» (Карасик, 2004, с. 118, 129). В понимании условий языковой объективации оппозитивности ключевую роль играет понятийная составляющая, позволяющая произвести комплексное описание концептов, сравниваемых по принципу противопоставления. К языковой фиксации концептов мы, вслед за В. И. Карасиком (2004), относим: обозначения концептов, их описание, признаковую структуру и определения, сравнительные характеристики сопоставляемых концептов, встроенных в совокупности «в систему нашего опыта» (с. 129). По мнению В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина (2001), понятийная составляющая может быть названа фактуальной как «выход на языковое воплощение... концепта» (с. 78). Языковая фиксация концепта, в понимании Д. С. Лихачева, имеет оппозитивную природу. Определяя концепты как заместители значений, эмпирически обусловленные потенции, способствующие облегчению процесса коммуникации, Д. С. Лихачев (1997, с. 280-287) выделяет следующие объекты противопоставлений: словарный запас – значения, фиксируемые словарями; концепты – отнесенные к концептам взаимозависимые значения слов, формирующие концептосферу. Подчеркивая лингвокультурную специфику концепта как выражение объективного содержания слов, В. И. Карасик (2004, с. 124) указывает следующие аспекты противопоставления: 1) скрытое, потенциально объективируемое содержание; 2) содержание-минимум (частичное, субъективное определение концепта – смысловой потенциал); 3) уточнение содержательного минимума, демонстрирующего несколько направлений проявления (тематизация, прагматизация). Таким образом, вариативная структурированность концепта и, как следствие, оппозитивности обуславливается множественностью подходов к их исследованию и описанию, из которых в качестве основных мы можем выделить следующие: логический, психолингвистический, лингвокогнитивный и лингвокультурологический. Первые два из указанных направлений не рассматривают языковую представленность как необходимое условие для изучения оппозитивности концепта, основываясь в первую очередь на логических и психофизиологических закономерностях процесса коммуникации. Поскольку исследование закономерностей концептуальной оппозитивности понятия ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD проводится нами на основе языковой реализации, принципиально значимыми для нас являются лингвокогнитивное и лингвокультурологическое направления, в рамках которых мы приступаем к его рассмотрению.

Оппозиция «СВОИ – ЧУЖИЕ», определяемая в большинстве исследований как базовое противопоставление, демонстрирует в первую очередь этнокультурную специфику проявления. Комфортное пребывание человека в привычной для его мировосприятия среде предполагает явно выраженное разграничение пространства, оберегающее его от внешней угрозы. «СВОЕ» пространство предусматривает доверительный принцип общения на своей территории, ограниченной домом, социально-классовой принадлежностью, нормами поведения,

дифференциацией по политико-идеологическому признаку. Выход за пределы «СВОЕГО» трактуется как несоответствие стандарту, отклонение от нормы, признаваемое «чуждым», часто «враждебным» окружением. Следовательно, для понимания природы оппозитивности наряду с понятийным принципиально значимую функцию приобретает ценностный уровень концепта, аккумулирующий смыслозначимый компонент языкового воплощения (Карасик, 2019, с. 4). В. И. Карасик (2019, с. 7) указывает принцип моделирования лингвокультурных концептов в качестве составляющей триединого подхода к исследованию и описанию ценностей как высших ориентиров поведения. Отмечая различия, обусловленные численным преимуществом «культурных концептов» в сравнении с «базовыми оппозициями», ученый акцентирует внимание на соответствии культурных концептов «базовым оппозициям», определяющим картину мира (Карасик, 2004, с. 118). В. В. Дементьев (2006, с. 7) относит к базовым противопоставлениям оппозицию «прямая/непрямая коммуникация». Исследователь использует термин «непрямая коммуникация» для обозначения невыраженных в высказывании смыслов, сопряженных с их дополнительной интерпретацией. Ученым обосновывается утверждение о дифференцированной концептуализации смыслов в различных языках как одном из определяющих свойств языка, связанных с непрямой коммуникацией (Дементьев, 2006, с. 6). Структура одного высказывания, включающего разные смыслы, по мнению В. В. Дементьева (2006, с. 23), способствует вариативности интерпретации. Наличие скрытого смысла, определяемого В. И. Карасиком (2021, с. 93) как имплицитность, – одна из важнейших особенностей коммуникативного процесса. Ученый настаивает на обязательном присутствии импликации – непереданной, скрытой информации – в диалоговом общении, способствующей взаимопониманию сторон.

В данной работе, наряду с исследованием содержания оппозитивного концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD, нами предпринимается попытка анализа противопоставлений, реализованных в указанном концепте на эксплицитном (лексическом) и имплицитном (когнитивном) уровнях.

Появление термина «живой щит» и его последующую языковую фиксацию связывают с периодом военных завоеваний Чингисхана (XIII в.), внедрившего новую военную тактику – использование гражданских лиц в целях воспрепятствования огню противника. Использование «живого щита», согласно протоколу I Женевских конвенций, квалифицируется Международным уголовным судом как военное преступление (Raghavan S. Russia has killed civilians in Ukraine. Kyiv's defense tactics add to the danger // The Washington Post. 28.03.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/28/ukraine-kyiv-russia-civilians>). Для выявления языковой представленности оппозитивного концепта ЖИВОЙ ЩИТ, формирующей его понятийный уровень в русской языковой картине мира, обратимся к данным лексикографических источников.

Оппозитивный компонент-концепт ЖИВОЙ ЩИТ номинирован в русском языковом пространстве двумя лексемами – адъективом *живой* и существительным *щит*. Прилагательное *живой*, служащее определением слова *щит*, закреплено в Толковом словаре В. И. Даля следующими значениями: *кто жив, кто живет, живущий, в ком или чем есть жизнь*. Объемный иллюстративный материал, сопровождающий указанную дефиницию, включает конкретизирующую информацию: о человеке и животном; о душе; о растениях; в сказках (Толковый словарь русского языка В. И. Даля, с. 301). Особый интерес вызывает значение словосочетания *живая грамота*, соотносимое в семантическом плане с именем исследуемого концепта: *посол для передачи чего-либо словесно*. Прилагательное *живой* в Толковом словаре Д. Н. Ушакова фиксирует значения, релевантные для лексического описания исследуемого концепта: *2. Обладающий жизнью, одушевленный; 4. Полный жизненной энергии, подвижности. 6. Воплощенный в человеке, принявший облик живого существа* (Большой толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова, с. 170). Ключевая лексема имени концепта *щит* фиксируется в Словаре Даля единственным значением: *что служит защитой чему, кому-либо. Старинный военный доспех, которым прикрывались от холодного и метного оружия* (Толковый словарь русского языка В. И. Даля, с. 969). Иллюстративное сопровождение значений включает употребление слова *щит* в прямом и переносном смысле: *Щит от солнца. Щит геральдический. Щит правосудия* и др. В Словаре Ушакова приводится более полное толкование лексемы *щит* как разновидности вооружения, представленное следующими значениями: *1. Старинное ручное вооружение в виде круглой или прямоугольной деревянной или металлической доски для защиты от ударов. | перен. Защита. 2. Приспособление для предохранения от чего-н., ограждения чего-н. в виде металлического листа, ряда сколоченных досок и т.п.* (Большой толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова, с. 945). Лексико-семантический анализ компонентов концепта ЖИВОЙ ЩИТ, выполненный на основе словарных дефиниций, позволяет указать ключевой содержательный признак концепта: «созданная из людей защита от ударов». Перейдем к комментарию текстовых фрагментов, иллюстрирующих реализацию оппозитивности исследуемого концепта в русской языковой картине мира.

В цитируемых высказываниях эксплицируется признак тотального террора, направленного против мирных граждан: «Украинские радикалы используют в качестве живого щита более 4,5 миллиона украинцев и 6,8 тысячи иностранных граждан <...>. Несмотря на ежедневно открывающиеся гуманитарные коридоры, украинские неонацисты продолжают удерживать в заложниках в качестве живого щита... мирных граждан... и граждан из... иностранных государств, которые волею судьбы оказались на территории Украины» (М. Мизинцев) (Неонацисты используют свыше 4,5 миллиона жителей Украины как живой щит // РИА Новости. 22.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220322/neonatsisty-1779532186.html>); «Мирные жители ничего не могут сделать. Они заложники. Когда террористы захватывают заложников, заложники ничего не могут сделать...» (И. Коротченко) (Светов П. «Живой щит»: украинские националисты прикрываются мирными жителями // RT на русском. 01.03.2022. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/969836-schit-zhiteli-specoperaciya>). Лексема *заложники*, соотносимая

в семантическом плане с термином «живой щит», отражает в сознании следующий ассоциативный ряд: предъявленное требование, критическая ситуация, непредсказуемые последствия. Повышенная эмоционально-экспрессивная тональность высказывания достигается включением фразеологизма *волею судьбы*, транслирующего негативный смысл «жертвы случайных обстоятельств». В цитате реализованы следующие оппозиции – эксплицитно: *украинцы – Украинские радикалы; иностранные граждане – украинские радикалы; мирные граждане – украинские неонацисты; граждане из иностранных государств – украинские неонацисты*; имплицитно: *Россия – Украина*.

Представленные далее иллюстрации актуализируют негативный смысл «преступление против человечности»: «Вооруженные силы Украины, пытаясь задержать продвижение российских войск, не выпускают из городов и населенных пунктов местных жителей и используют их в качестве живого щита...» (С. Шойгу) (Украинские военные используют жителей городов как живой щит, заявил Шойгу // РИА Новости. 20.05.2022. URL: <https://ria.ru/20220520/ukraina-1789683224.html>); «Украинские националисты, которые используют мирное население как живой щит, совершают преступные действия» (Д. Песков) (В Кремле указали на использование националистами Украины людей как живого щита // Известия. 28.02.2022. URL: <https://iz.ru/1298149/2022-02-28/v-kremle-ukazali-na-ispolzovanie-natsionalistami-ukrainy-liudei-kak-zhivogo-shchita>). Заявления официальных лиц РФ содержат отрицательную оценку способов и методов ведения военных действий ВСУ, соотносимых с антигуманными лозунгами, которыми руководствуются украинские власти: «цель оправдывает средства», «любой ценой». Указанные единицы актуализируют негативную коннотацию «реализация политики грубой силы, культивирующей жестокость, вседозволенность, безнравственность, противозаконность». Оправдание основанных на противоправности «преступных целей» украинского правительства по отношению к собственным гражданам сопрягается на ассоциативном уровне с устойчивым признаком «проповедование макиавеллизма» (Русская фразеология. Историко-этимологический словарь, с. 740) – политической философией, претендующей на признание фашизма в качестве базовой идеологии. В указанном иллюстративном примере реализуются следующие оппозиции: эксплицитно: *российские войска – Вооруженные силы Украины; местные жители – Вооруженные силы Украины*; имплицитно: *российское правительство – украинские власти*.

Иллюстрируемый далее новостной заголовок отмечен присутствием пейоративной коннотации «признание преступной тактики Украины на мировом уровне»: «Живой щит из гражданских. Военные преступления Украины заметили даже в США // Тверские Ведомости. 29.03.2022. URL: <https://vedtver.ru/news/society/zhivoj-shhit-iz-grazhdanskih-voennye-prestuplenija-ukrainy-zametili-dazhe-v-ssha>). Повышенная эмотивность цитируемого текста достигается включением частицы *даже*, усиливающей ироническое отношение российской стороны к «мнимой неосведомленности США». Экспликация признака «предупреждение об организованном поэтапном истреблении украинского населения» передана в следующем текстовом фрагменте: «У нас об этом говорят давно: украинские военные применяют тактику “живого щита” из мирных людей, чем подвергают их прямой и серьёзной опасности» (Живой щит из гражданских. Военные преступления Украины заметили даже в США // Тверские Ведомости. 29.03.2022. URL: <https://vedtver.ru/news/society/zhivoj-shhit-iz-grazhdanskih-voennye-prestuplenija-ukrainy-zametili-dazhe-v-ssha>). Передающая признак «потенциальной угрозы» лексема *опасность*, определяемая адъективами *прямой, серьёзный*, актуализирует осуждение рискованных действий правительства Украины, манипулирующего жизнями гражданских лиц. Негативные коннотации «антигуманный способ обороны», «факт проявления внутреннего терроризма» получают выражение в следующих примерах: «Военные эксперты говорят, что... гражданские – это заложники, за которых пытаются спрятаться ВСУ» (Светов П. «Живой щит»: украинские националисты прикрываются мирными жителями // RT на русском. 01.03.2022. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/969836-schit-zhiteli-specoperaciya>); «...импульс военных защищаться от российских атак может поставить гражданских лиц под прицел» (Живой щит из гражданских. Военные преступления Украины заметили даже в США // Тверские Ведомости. 29.03.2022. URL: <https://vedtver.ru/news/society/zhivoj-shhit-iz-grazhdanskih-voennye-prestuplenija-ukrainy-zametili-dazhe-v-ssha>); «Солдаты ВСУ руководствуются принципом стрелять из-за спин мирного населения» (Живой щит. Как мирных украинцев подставляли под огонь свои же военные // 360. 10.03.2022. URL: <https://360tv.ru/tekst/obschestvo/podstavljajut-pod-ogon>). Словосочетания «поставить под прицел», «стрелять из-за спин» ассоциативно указывают на синонимичный глагольный ряд: *пренебрегать, угрожать, запугивать, преследовать, терроризировать*. В рассмотренных цитатах выявлены следующие противопоставления – эксплицитно: *мирное население – солдаты ВСУ; гражданские – ВСУ; российские атаки – украинская защита*; имплицитно: *США – Украина; Русский мир – Украина*.

В заявлении представителя народной милиции ДНР дана исчерпывающая характеристика бесчеловечного отношения к соотечественникам украинских спецотрядов, исполняющих на практике политику террора: «Во время спецоперации на Украине националисты используют местное население как живой щит. <...> граждане, которые проживают в Волновахе, с белым флагом хотели выйти из города и перейти на нашу сторону. <...> Люди пытались уйти, а им не дали и начали стрелять. Их националисты не выпускают оттуда и держат как живым щитом, заложниками...» (Э. Басурин) (Светов П. «Живой щит»: украинские националисты прикрываются мирными жителями // RT на русском. 01.03.2022. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/969836-schit-zhiteli-specoperaciya>); «Для того, чтобы прикрываться жителями как живым щитом, украинские националистические батальоны не допускают покидания блокированных городов... гражданским населением» (Светов П. «Живой щит»: украинские националисты прикрываются мирными жителями // RT на русском. 01.03.2022. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/969836-schit-zhiteli-specoperaciya>).

Термин *национализм* определяется в Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой двумя значениями: 1. *Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления себя*

другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости (Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, с. 398). Таким образом, единицы *националисты*, *националистические* как дериваты лексемы *национализм* отмечены негативной коннотацией: «приверженцы националистических принципов», «проникнутые национализмом». Включение следующих глагольных форм актуализирует приращенный смысл «противоборство сторон»: *хотели выйти, хотели перейти, пытались уйти – прикрываются, не дали, не выпускают, не допускают, держат, начали стрелять*. Словосочетание *на нашу сторону* имплицитно указывает на сопричастность к данному эпизоду «третьих лиц» – воинов – защитников ДНР. В указанной иллюстрации выявлены следующие оппозиции – эксплицитно: *местное население (жители Волновахи) – националисты*; имплицитно: *ДНР – ВСУ*.

Примером семантической трансформации базового противопоставления «СВОИ – ЧУЖИЕ» может служить следующий текст: *«Не русские по нам бьют, а наши стреляют!»*; *«Живой щит. Как мирных украинцев подставляют под огонь свои же военные»* (Светов П. «Живой щит»: украинские националисты прикрываются мирными жителями // RT на русском. 01.03.2022. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/969836-schit-zhiteli-specoperaciya>). Закрепление статуса «свойственности» / «чуждости» за объектом сопряжено, как отмечает О. В. Балясникова (2003, с. 78), с проявлением оценочности, регулирующей отнесенность объекта к классу «Своих». В указанных примерах посессивы *наши, свои*, передавая пейоративную оценку ситуации, выступают в качестве репрезентантов «Чужих», то есть выполняют функцию маркеров «чуждости». В цитируемых фрагментах высказываний реализованы следующие оппозиции – эксплицитно: *гражданские – наши; мирные украинцы – свои военные*; имплицитно: *граждане Украины – правительство Украины*.

Анализ репрезентативных контекстов концепта ЖИВОЙ ЩИТ позволяет обозначить в качестве оппозиций противопоставления, выявленные на эксплицитном (языковом) и имплицитном (когнитивном) уровнях. Эксплицитно-имплицитная оппозиционность концепта ЖИВОЙ ЩИТ репрезентирует реализацию базовой дихотомии «СВОИ – ЧУЖИЕ» в русской языковой картине мира. «СВОИ» и «ЧУЖИЕ» – это субъекты оппозиции, объединенные на основе следующих признаковых характеристик: 1) геополитическая; 2) национальность; 3) социальный статус; 4) госаппарат; 5) военная тактика. Согласно указанной классификации, в качестве репрезентантов «СВОИХ» могут быть указаны следующие единицы: 1) *граждане из иностранных государств; местные жители; местное население (жители Волновахи); Россия, Русский мир; ДНР; США*; 2) *граждане Украины; украинцы*; 3) *гражданские, мирные украинцы*; 4) *российское правительство; российские войска*; 5) *российские атаки*. К концептуальным признакам субъекта «СВОИХ», отмеченных полярной коннотацией, мы относим следующие: *беззащитность, выживание, оборона, гарантия безопасности*. В качестве базовой оценочной модели оппозиции мы, вслед за Т. В. Алиевой (2022, с. 54–56), принимаем оценочную модель «Свое – хорошо», «Чужое – плохо» при допущении дифференциации оценочности (положительная/отрицательная) для обеих категорий. Ценностный компонент понятия составляют лексические единицы, отмеченные положительной (мелиоративной) оценкой: *местные жители, местное население, русские, гражданское, мирное население, мирные украинцы, гражданское население, гуманитарные коридоры, граждане из иностранных государств, белый флаг*. Примером отрицательной (пейоративной) оценки выступают притяжательные местоимения *наши, свои*, демонстрируя «сдвиг» оценочности через актуализацию концептуального признака «физическое уничтожение своих своими». Образный уровень концепта ЖИВОЙ ЩИТ для субъекта «СВОИ» формируется на основе перцептивных характеристик, которые реализуются через глаголы с выраженной семантической закрепленностью: глаголы речи и неречевой коммуникации: *говорят, заметили*; глаголы, выражающие намерение, попытку, желание (составные глагольные сказуемые): *пытались уйти, хотели выйти (перейти)*; модальный глагол с отрицанием (составное глагольное сказуемое): *не могут сделать*.

Репрезентантами концепта ЖИВОЙ ЩИТ для субъекта «ЧУЖИЕ» выступают лексические единицы: 1) *Украина; территория Украины; украинские радикалы; украинские неонацисты; националисты; террористы; националистические батальоны*; 2) *наши*; 3) *военные; свои военные*; 4) *украинские власти; правительство Украины; вооруженные силы Украины; ВСУ*; 5) *украинская защита*. К концептуальным признакам исследуемого концепта для субъекта «ЧУЖИЕ», отмеченным негативной коннотацией, мы относим следующие: *запугивание, преследование, террор, жестокость, вседозволенность, безнравственность, противозаконность*. Лексические единицы с отрицательной (пейоративной) оценкой представлены словосочетаниями: *в качестве (тактика) живого щита; как живой щит; преступные действия; военные преступления; заблокированные города; в заложниках; подвергают опасности; поставить под прицел; стрелять из-за спин*. Пейоративность оценочности усиливается за счет использования глаголов с отрицательной коннотацией: *бьют, стреляют, подставляют*. Образный уровень концепта ЖИВОЙ ЩИТ для субъекта «ЧУЖИЕ» оформлен перцептивными признаками – соматическим: *из-за спин*; оружие: *щит*; глаголами, выражающими физическое воздействие: *продолжают удерживать; захватывают, не выпускают, бьют, начали стрелять, подставляют (под огонь), поставить (под прицел)*; глаголами (деепричастиями), выражающими попытку совершения действия (составные глагольные сказуемые): *пытаются спрятаться, пытаюсь задержать*. Метафорический признак образного компонента концепта закрепляется использованием сравнения с участием лексем, составляющих имя концепта: *как живой щит; как живым щитом; в качестве живого щита*.

Для выявления языковой репрезентации оппозитивного концепта HUMAN SHIELD, образующей его понятийную составляющую, обратимся к данным толковых словарей, фиксирующих объективацию концепта в английской языковой картине мира: HUMAN SHIELD: 1. *A person or group of people forced to stay near a possible*

target for attack, in order to prevent an attack (Oxford Learner's Dictionary). / *Человек или группа людей, вынужденные оставаться вблизи возможной цели нападения, чтобы предотвратить удар* (здесь и далее перевод автора статьи. – Л. З.). 2. *A person or group of people that is forced to stay in a particular place where they would be hurt or killed if their country attacked it* (Oxford Learner's Dictionary). / *Человек или группа людей, которые вынуждены находиться в определенном месте, где их могут ранить или убить, если их страна нанесет удар*. Во втором определении содержится более точная информация, конкретизирующая степень потенциальной угрозы посредством глаголов с выраженной негативной коннотацией: *hurt* (ранить), *kill* (убить, уничтожить). В семантическом плане концепт ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD соотносится с понятием «заложники» (“hostages”). Дифференциальным признаком в данном случае выступает «непредъявление требований, гарантирующих освобождение задержанных» (Большой толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова, с. 190). Лексико-семантический анализ словарных дефиниций в английском языке позволяет указать ключевой содержательный признак концепта HUMAN SHIELD: «использование в качестве прикрытия мирного населения для препятствия военной операции». Перейдем к комментарию текстовых фрагментов, иллюстрирующих реализацию оппозитивности концепта HUMAN SHIELD в английской языковой картине мира.

В приведенном далее высказывании профессор Лондонского университета выражает обеспокоенность в отношении негативных последствий для обычных граждан избранной Украиной военной тактики: “*But to the extent that Ukraine brings the battlefield to the civilian neighborhoods, it increases the danger to civilians. <...> Ukraine cannot use civilian neighborhoods as “human shields”...*” (W. Schabas) (Raghavan S. Russia has killed civilians in Ukraine. Kyiv's defense tactics add to the danger // The Washington Post. 28.03.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/28/ukraine-kyiv-russia-civilians>). / «*Но в той мере, в какой Украина переносит поле боя в гражданские кварталы, это увеличивает опасность для мирных жителей. <...> Украина не может использовать жилые кварталы в качестве “живого щита”*» (У. Шабас). Пейоративная оценка военных методов Украины, «конфликтующих» с общепризнанными нормами международного права, передается словосочетанием “*to bring the battlefield to the civilian neighborhoods*” (перенести поле боя в гражданские кварталы). В представленной цитате реализована оппозиция – explicitly: *civilians – Ukraine*; implicitly: *Russian troops – Armed Forces of Ukraine; Russia – Ukraine*.

Документальное обоснование противоправных действий вооруженных сил Украины представлено в комментарии представителя западных СМИ: “*A recent UN report from the Office of the High Commissioner for Human Rights... has confirmed that the Ukrainian Army, as it battles Russian forces for control of the eastern Donbass region, is purposefully putting civilians in harm's way as “human shields”* (J. Melanovski) (Melanovski J. UN report confirms Ukrainians' use of civilians as “human shields” // World Socialist Web Site. 18.07.2022. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2022/07/19/zrjy-j19.html>). / «*Недавний доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека... подтвердил, что украинская армия, сражаясь с российскими войсками за контроль над восточным регионом Донбасса, целенаправленно подвергает опасности мирных жителей в качестве “живого щита”*» (Д. Мелановски). В данной цитате включением пейоративно окрашенного адъектива “*purposefully*” в состав словосочетания “*put civilians in harm's way*” актуализируется негативный смысл «реализация преступного замысла войсками Украины». В цитате выявлены следующие оппозиции – explicitly: *Russian forces – the Ukrainian Army; UN High Commissioner for Human Rights – the Ukrainian Army*; implicitly: *United Nations – Ukraine*.

Цитируемый далее текст содержит официальное подтверждение факта нарушения Украиной международных обязательств: “*Russia... claimed that the Ukrainians were holding a group of Indian students hostage to use them as human shield*” (Russia-Ukraine conflict shines light on human shields: What is this inhumane practice and is it punishable by law? // Firstpost. 03.03.2022. URL: <https://www.firstpost.com/world/russia-ukraine-conflict-shines-light-on-human-shields-what-is-this-inhumane-practice-and-is-it-punishable-by-law-10425131.html>). / «*Россия заявила, что украинцы держат в заложниках группу индийских студентов, чтобы использовать их в качестве живого щита*». Контекстуальная связь лексических единиц “*a group of Indian students – hostage – human shield*” концептуализирует приращенный смысл *do-or-die situation* (критическая ситуация). В рассмотренном примере реализованы оппозиции – explicitly: *a group of Indian students – the Ukrainians*; implicitly: *Russia – Ukraine*.

Эксплицитно-имплицитная оппозитивность концепта HUMAN SHIELD репрезентирует реализацию базовой дихотомии “US” – “THEM” в английской языковой картине мира. “US” – “THEM” – это субъекты оппозиций, объединенные на основе следующих признаков характеристик: 1) geopolitical; 2) nationality; 3) social status; 4) state apparatus. Согласно указанной классификации, репрезентантами “US” выступают лексические единицы: 1) *UN High Commissioner for Human Rights; Russia*; 2) *a group of Indian students*; 3) *civilians*; 4) *Russian troops; Russian forces*. Выявленные концептуальные признаки, релевантные для субъекта “US”, представлены следующим рядом существительных, отмеченных отрицательной коннотацией: *defenselessness* (беззащитность), *coercion* (принуждение), *survival* (выживание). Ценностный компонент концепта HUMAN SHIELD для субъекта “US” оформлен лексическими единицами с положительной (мелиоративной) оценкой: *civilian neighborhoods; Human Rights; United Nations; the eastern Donbass region*. Образный уровень концепта для субъекта “US” сформирован перцептивными признаками, выраженными глаголами следующей семантической закрепленности: глаголы речи (неречевой коммуникации): *has confirmed; claimed*; глаголы, обозначающие возможность/невозможность совершения действия (составное глагольное сказуемое): *cannot use*.

К репрезентантам концепта HUMAN SHIELD для субъекта “THEM” мы относим лексические единицы: 1) *Ukraine*; 2) *the Ukrainians*; 3) *Armed Forces of Ukraine; the Ukrainian Army*. Релевантными для данной группы выступают следующие концептуальные признаки: *criminal plan* (преступный замысел), *do-or-die situation* (критическая ситуация); *intimidation* (запугивание); *deterrence* (устрашение); *unlawfulness* (противозаконность). Ценност-

ный компонент исследуемого концепта для субъекта “THEM” включает лексические единицы с отрицательной (пейоративной) оценкой: *control; battlefield; as human shields; to the extent; put in harm’s way*. Образный уровень концепта данной группы оформлен перцептивными признаками, переданными глаголами с выраженной семантической закрепленностью – оказание воздействия: *were holding; use; is putting*; количественная характеристика: *increases*; военно-тактические действия: *battles; brings*. Метафорический признак образного компонента закрепляется использованием сравнения с участием лексем, составляющих имя понятия: *as human shield; as human shields*.

Таким образом, исследование концептуальной оппозитивности концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD позволило установить уровневую (эксплицитно-имплицитную) репрезентацию оппозитивности. Выявленные признаки субъектов оппозиции «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM” демонстрируют категориальную закрепленность.

Заключение

На основании произведенного исследования репрезентантов оппозитивного концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD, исследованных в русской и английской языковых картинах мира, мы можем прийти к следующим выводам.

Концепт ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD, определяемый нами как оппозитивный компонент-концепт, демонстрирует дифференцированную языковую объективацию в лексикографических источниках русского и английского языков с доминирующей реализацией в английской языковой картине мира. Структура оппозитивности лингвокогнитивного концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD включает понятийный, ценностный и образный компоненты. Анализ понятийной составляющей позволил обозначить в качестве оппозиций противопоставления, выявленные на эксплицитном (языковом) и имплицитном (когнитивном) уровнях. Эксплицитно-имплицитная оппозитивность концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD реализуется на основе базовой дихотомии «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM”, субъекты которой объединены по следующим признакам: 1) геополитический/geopolitical; 2) национальность/nationality; 3) социальный статус / social status; 4) госаппарат / state apparatus; 5) военная тактика / military tactics. Выявленные концептуальные признаки концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD для субъекта «СВОИ» / “US” демонстрируют полярную коннотацию: беззащитность, выживание (отрицательная), оборона, гарантия безопасности (положительная) / defenselessness, coercion, survival (отрицательная). Ценностный компонент концепта для субъекта «СВОИ» / “US” сформирован лексическими единицами, отмеченными мелиоративной и пейоративной оценкой. Образный компонент исследуемого концепта для субъекта «СВОИ» / “US” оформлен перцептивными и метафорическим признаками. Выявленные концептуальные признаки концепта ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD для субъекта «ЧУЖИЕ» / “THEM” закрепляют негативную коннотацию: запугивание, преследование, террор, жестокость, вседозволенность, безнравственность, противозаконность / criminal plan, do-or-die situation, intimidation, deterrence, unlawfulness. Ценностный компонент исследуемого концепта для субъекта «ЧУЖИЕ» / “THEM” сформирован лексическими единицами с отрицательной оценкой. Образный компонент концепта для субъекта «ЧУЖИЕ» / “THEM” оформлен перцептивными и метафорическим признаками. Подвергнутые сравнительно-сопоставительному анализу субъекты дихотомии «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM”, реализованной в оппозитивном концепте ЖИВОЙ ЩИТ / HUMAN SHIELD, демонстрируют дифференцированную оценочность на основе базовой оценочной модели «Свое – хорошо», «Чужое – плохо».

Перспективы дальнейшего исследования связаны с развитием основного направления, предусматривающего выявление, изучение и детальный анализ условий образования оппозитивных концептов в медийном пространстве.

Источники | References

1. Алиева Т. В. Концептуальная оппозиция «Свой - Чужой» в современном британском политическом дискурсе: лингвистический аспект: монография. М.: Русайнс, 2022.
2. Балясникова О. В. «Свой - чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дисс. ... к. филол. н. М., 2003.
3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.
4. Карасик В. И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021.
5. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001.
8. Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: дисс. ... д. филол. н. Астрахань, 2013.
9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997.
10. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. Изд-е 4-е. М.: Флинта; Наука, 2008.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток - Запад, 2007.

12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
13. Dijk T. A. van. Ideology and Discourse Analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11. No. 2.
14. Dijk T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society. 1993. Vol. 4. No. 2.
15. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. L. - N. Y.: Routledge, 1991.

Информация об авторах | Author information

RU**Здановская Лидия Борисовна**¹, к. филол. н., доц.¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар**EN****Zdanovskaya Lidiya Borisovna**¹, PhD¹ Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar¹ zdanovskaya2903@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.08.2022; опубликовано (published): 30.09.2022.

Ключевые слова (keywords): оппозитивный концепт; структура оппозитивности; субъект оппозиции; эксплицитность; имплицитность; opposite concept; opposition structure; opposition subject; explicitness; implicitness.